

Сяо Чжигэ же проникся к нему симпатией с первого взгляда. Заметив, что мальчик немного пуглив, он делился с ним своими сладостями. За те полмесяца, что длилась осенняя охота во временном дворце, Ань Чанцин часто приходил к нему играть. Так продолжалось до тех пор, пока однажды он не заставил себя долго ждать. Сяо Чжигэ отправился на его поиски и застал картину: Ань Чанцина зажали в углу второй молодой господин семьи Ань вместе с сыновьями других сановников и издевались над ним, а третий принц стоял неподалеку и наблюдал за происходящим.

Маленький Ань Чанцин сжался в комочек; казалось, он привык к подобным сценам. Он сносил все насмешки и брань не перечая, послушно опустив голову, и выглядел невероятно жалко и беспомощно.

Гнев мгновенно вспыхнул в груди Сяо Чжигэ, и он ринулся в драку, к которой в конце концов присоединился и третий принц. Хотя Сяо Чжигэ и обучался боевым искусствам, он был слишком мал и находился в меньшинстве, поэтому получил немало ссадин и синяков.

Приведя мальчика в свои покои, Сяо Чжигэ в сердцах спросил, почему тот не попытался ни дать отпор, ни хотя бы убежать.

Тогда еще совсем юный Ань Чанцин очень серьезно ответил ему:

— Если я спрячусь в этот раз, в следующий меня будут обижать еще сильнее.

В тот момент Сяо Чжигэ не смог до конца понять смысл этих слов. Он лишь со злостью пообещал, что по возвращении во дворец попросит императора-отца назначить Ань Чанцина его компаньоном для учебы, и тогда никто больше не посмеет его обидеть.

Тогда ему казалось, что раз Ань Чанцин не пользуется любовью в семье, а у него самого нет компаньона, сделать это будет несложно. Однако он не предвидел, насколько изменчив мир и как редко все идет по намеченному плану.

Вернувшись во дворец, он даже не успел заговорить с отцом, как услышал от императрицы, что его родная мать, наложница Ли, покончила с собой.

Затем последовали беспокойные и невероятно тяжелые годы. Лишившись покровы и защиты матери, Сяо Чжигэ узнал, сколь суровые испытания ждут его впереди. И тогда он наконец понял, что имели в виду слова маленького Ань Чанцина: «Если я спрячусь в этот раз, в следующий меня будут обижать еще сильнее».

Он вынужден был быстро повзрослеть. К двенадцати годам, желая вырваться из-под власти императрицы и наследного принца, он добровольно просил отправить его на границу в армию. Спустя много лет, вернувшись и вспомнив об обещанном, он обнаружил, что Ань Чанцин давным-давно забыл о детских словах.

Чувствуя вину за то, что не сдержал обещание, Сяо Чжигэ волей-неволей стал примечать любые вести о нем. Позже, узнав, что тому приходится нелегко в резиденции канцлера, он поручил Чан Цзайчану тайно оказывать ему помощь.

А затем, чтобы развеять подозрения и опасения дворца, он объявил, что его не привлекают женщины, и испросил указ вдовствующей императрицы, благодаря которому и привел Ань Чанцина в поместье князя.

— ...Вот, пожалуй, и все. Я видел, что ты ничего не помнишь, поэтому не стал лишним раз

напоминать, — спокойно произнес Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин удивленно распахнул глаза. В его памяти вдруг всплыло, как зимой, когда им урезали выдачу угля, через пару дней во дворе неожиданно оказывалась корзина с углями; или как он ходил в аптеку за лекарством для матери, и из-за нехватки денег слуга в лавке часто брал с него меньше серебра...

Позже, повзрослев, он узнал, что та аптека принадлежала первой жене отца, госпоже Ли, и еще удивлялся, с чего бы госпоже Ли проявлять такую доброту.

Оказывается, за всем этим тайком стоял Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин пытался судорожно воскресить в памяти прошлое, но с досадой осознал, что действительно не помнит ни единого мгновения, связанного с Сяо Чжигэ. Зимой, когда ему было десять лет, спасая сброшенную в воду Ань Сяньюй, он сам упал в воду, сильно простудился и тяжело заболел, после чего забыл о многом.

— Извини... — с тоской пробормотал Ань Чанцин, опустив взгляд. — Я совсем ничего не помню...

От автора:

Но-но: «Значит... ты давно в меня тайком влюблен?»

Сонсон: «...Угу». (Его уши медленно наливаются краской)

Сидящий перед ним юноша опустил голову, на его лбу залегла складка досады; казалось, он был глубоко опечален и полон вины из-за того, что забыл это прошлое.

Посидев некоторое время в унынии, он вяло опустил ресницы и подавленно пояснил:

— В десять лет я упал в воду и слег с сильнейшим жаром. Когда поправился, многие прежние события уже не мог вспомнить целиком. — Помолчав, он добавил: — Я не нарочно забыл...

Ань Чанцину действительно было бесконечно больно и стыдно. Столь давние и драгоценные воспоминания, а он их забыл. Один лишь Сяо Чжигэ помнил все и даже берег то давнее обещание. От одной этой мысли казалось, будто он сам бросил девятилетнего Сяо Чжигэ в одиночестве в том далеком прошлом.

В этой жизни они высказали все друг другу, а как же в прошлой?

Раньше он никогда всерьез не задумывался о том, почему Сяо Чжигэ, казалось бы, не зная его лично, был так к нему привязан. Он женил его на себе, привел в поместье князя, а затем, вопреки возражениям придворных, непреклонно сделал своей императрицей, вознеся на высоту, где тот уступал лишь одному государю.

Спустя столько лет разлуки Сяо Чжигэ все же исполнил свое детское обещание. Вот только Ань Чанцин давным-давно позабыл обо всем и оттолкнул протянутую ему руку.

И в итоге один молчал, а другой в страхе избегал его. Так они разминулись в той жизни, придя к печальному концу.

Ань Чанцин чувствовал, как сжимается сердце. Боль, подобно паутине, нить за нитью оплетала его изнутри, и, чтобы хоть немного заглушить эту невыносимую муку, ему приходилось изо

всех сил впиваться ногтями в ладони.

Когда он, погрузившись в воспоминания о прошлой жизни, уже захлебывался от тяжелого дыхания, на его макушку мягко легла большая теплая ладонь и ласково погладила.

— Ничего страшного, я помню. Если хочешь знать, я расскажу тебе снова, — спокойно произнес Сяо Чжигэ.

На самом деле рассказывать было не так уж много: осенняя охота длилась от силы дней пятнадцать, а вместе они провели около десяти дней. У двух нелюбимых детей не было хитроумных забав: они лишь прятались в глухих покоях Сяо Чжигэ, делили кусочек сладости или рассказывали друг другу сказки о нечисти и чудесах, услышанные от матерей.

То время не изобиловало яркими событиями, но утекало тихо и гладко, словно спокойный ручеек, даруя умиротворение.

Для Сяо Чжигэ это были, пожалуй, самые безмятежные пятнадцать дней с тех пор, как он вырвался из цепей тишины глубокого дворца. После смерти матери он в одиночку боролся за выживание в императорских покоях, прошел через обман, интриги, взлеты и падения — и оттого с каждым годом лишь сильнее скучал по той простой и тихой поре.

Чан Цзайчан прежде не раз с пренебрежением высказывался о его нерешительности:

— Неужели сам Бэйчжань-ван может так колебаться? Если он тебе действительно мил, потребуй его себе! Разве Ань Чжикэ посмеет отказать? Это всего лишь нелюбимый сын от наложницы.

Слова Чан Цзайчана были просты, но думы Сяо Чжигэ — слишком тяжелы.

Спустя столько лет разлуки он стал Бэйчжань-ваном с дурной славой и запятнанными кровью руками. В народе о нем ходили неисчислимы молва и слухи — любого из них хватило бы, чтобы до смерти напугать ребенка. Ань Чанцин же вырос; он по-прежнему был нелюбимым сыном, но в нем все еще угадывался тот чистый и простой мальчик из детства.

Сяо Чжигэ часто с тоской вспоминал прошлые дни, но отчетливо понимал: годы идут, у каждого своя судьба, и даже самые близкие друзья детства порой расходятся своими дорогами. Что уж говорить о них, проведших вместе от силы полмесяца, к тому же Ань Чанцин давно позабыл о том времени.

Он не хотел разрушать единственный уцелевший в памяти уголок спокойствия. Посему довольствовался тем, что издали узнавал новости о нем да помогал, чем мог. Если бы с годами дворец не попытался вмешаться в его женитьбу, он не поддался бы минутному порыву и не выпросил бы указ вдовствующей императрицы, чтобы привести его в поместье.

Перед свадьбой Сяо Чжигэ жалел о своем порыве, втянувшем Ань Чанцина в эту круговерть. Однако теперь, глядя на стоящего перед ним человека, он чувствовал лишь глубокую благодарность судьбе.

К счастью... к счастью, он совсем не изменился.

— Прошло столько времени... а ты все еще помнишь? — Ань Чанцин наконец поднял на него взгляд.

Как он мог забыть?

Сокровищница его воспоминаний была бедна, и в дни кровавых битв да дворцовых козней он раз за разом доставал эти редкие светлые крохи, переживая их вновь и вновь, чтобы скрасить темные беспросветные годы.

— У меня хорошая память, — мягко ответил Сяо Чжигэ, не сводя с него глаз.

...

И в тот день Ань Чанцин сидел во дворе поместья генерала, согретый теплыми лучами солнца, и слушал, как Сяо Чжигэ крупница за крупницей вспоминает забавные случаи их детства.

Хотя Ань Чанцин все забыл, в каждом слове Сяо Чжигэ звучало что-то до боли знакомое. Когда Сяо Чжигэ рассказал, как вступился за него, подравшись с обидчиками, и получил раны, а маленький Ань Чанцин сидел перед ним на корточках с покрасневшими глазами и, надув щеки, изо всех сил дул на его ранки,

он вдруг тихо произнес:

— Но-но подует, боли улетят.

Сяо Чжигэ резко повернулся к нему. Глаза Ань Чанцина лучились мягким светом:

— В детстве матушка часто так меня утешала.

И эту самую фразочку маленький Ань Чанцин прилежно перенял, чтобы утешить раненого Сяо Чжигэ.

Взгляд Сяо Чжигэ смягчился. Он переплел свои пальцы с его пальцами, крепко сжал ладонь и тихо сказал:

— Видишь, ты на самом деле помнишь.

Ань Чанцин слегка наклонил голову и улыбнулся ему:

— Рассказывай мне больше, князь. Может быть, тогда я вспомню все.

<http://bllate.org/book/18381/1767766>